

Попов И.В. О возникновении обязательств на преддоговорной стадии // Правовая система общества: проблемы теории и практики: Труды международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12 ноября 2010 г. Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2011. С. 249-254.

ПОПОВ И.В.,
кандидат юридических наук
Директор ООО «Юридическая Фирма «Магистр»
доцент кафедры гражданского права и процесса
факультета права и экономики
Омской академии МВД России

О возникновении обязательств на преддоговорной стадии

Вопрос о возникновении обязательств на этапе, предшествующем заключению договора, сложен, но имеет большое практическое значение. Ведь не всегда преддоговорные отношения имеют логическое завершение в виде заключенного договора. Зачастую прекращение переговорного процесса обусловлено недобросовестным поведением одной из сторон. В качестве примера, который явился поводом обращения к исследуемой теме, можно привести казус, когда американская компания Дженерал Моторс, являющаяся основным акционером автомобильного концерна «Опель», приняла решение отказаться от заключения с канадским концерном «Магна» и Сбербанком России сделки по продаже пакета акций «Опель», хотя все предварительные договоренности были уже достигнуты.¹

В первоначальной редакции проекта Концепции совершенствования общих положений обязательственного права содержалось предложение о включении в главу 21 ГК РФ отдельной статьи о возникновении обязательств на стадии преддоговорных контактов сторон.² Однако авторы Концепции не сообщили о роде таких обязательств (договорные, деликтные, особого рода и т. д.) и не обосновали свое предложение.

В Концепции развития гражданского законодательства, одобренной 7 октября 2009 года Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства предлагается для отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, предусмотреть в ГК РФ специальные правила о так называемой преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*), ориентируясь на соответствующие правила иностранных правовых порядков³ (п. 7.7 подраздела 7 раздела V).

Ответственность за *culpa in contrahendo* получила свое развитие относительно недавно – в середине XIX века. Высказывается предположение, что автором этой концепции является Рудольф фон Иеринг, который сформулировал ее в работе 1861 года «*Culpa in contrahendo oder Schadensersatz bei nich zur Perfektion gelangten Vertragen*».⁴ Р.Иеринг придерживался мнения о том, что *culpa in contrahendo* – это контрактный иск, то есть, вытекающий из договора. Ему оппонировал другой известный немецкий цивилист Г.Дернбург, заметивший, что поскольку контракт не состоялся, нет и договорной ответственности.⁵

¹ *Сбербанк* готов судиться с GM за Opel // Rambler Финансы / http://finance.rambler.ru/news/bank/55897809.html?for_print=1 (дата обращения: 11.11.2009г.)

² Пункт 3.1 раздела I проекта Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России, рекомендованной к опубликованию в целях обсуждения Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (протокол № 66 от 26 января 2009 года) // <http://www.rozhkova-ma.narod.ru>

³ *Концепция* развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. статья А. Л. Маковского. – М.: Статут, 2009. – С. 122.

⁴ *Гнищевич К.В.* Преддоговорная ответственность в российском гражданском праве (*culpa in contrahendo*) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – №3. – С.18.

⁵ *Г. Дернбург.* Пандекты. Том второй. Обязательственное право. Третье русское издание / Перевод под руководством и редакцией П. Соколовского. – М., 1911. – С.26.

Смысл ответственности за *culpa in contrahendo* устанавливается из корреспонденции норм абз. 2 §311, абз.2 §241, абз.2 §311а Германского гражданского уложения: в случае несоблюдения обязанности учитывать права, правовые блага и интересы другой стороны при вступлении в переговоры о заключении договора, деловые контакты, подготовке договора, по которому одна из сторон, в расчете на соответствующие правоотношения по сделке, предоставляет другой стороне возможность влиять на свои права, правовые блага и интересы, *возникает обязательство* по возмещению ущерба или расходов.⁶

Имеются примеры, когда нормы о *culpa in contrahendo* вводятся в современное гражданское законодательство. Например, в Эстонии с 1 июля 2002 года вступил в силу Закон об обязательственном праве, который содержит специфические предписания о преддоговорных обязанностях. Так, параграф 14 (1) Закона требует, чтобы стороны, начавшие переговоры о заключении договора, «уделяли должное внимание интересам и правам друг друга». Это, в частности, приводит к обязанности добросовестного ведения переговоров, которая, в свою очередь, равнозначна запрету начинать или продолжать переговоры без намерения заключить договор и препятствует контрагенту недобросовестно прервать переговоры без заключения договора. Нарушение преддоговорных обязанностей ведет к ответственности. Источником установления преддоговорных обязанностей в основном послужила германская концепция ответственности за *culpa in contrahendo*.⁷

В англо-американском праве существует аналогичная система защиты. Так, профессор К. Осаке, отмечает, что доктрина справедливости в форме *Promissory Estoppel* налагает на стороны подразумеваемые позитивные обязанности вести начатые переговоры добросовестно (*implied positive duty to negotiate in good faith*) и приложить все усилия, чтобы довести переговоры либо до их успешного завершения, либо до добросовестного отказа от них.⁸ В странах правовой семьи общего права обязательственный эстопель является специальным основанием привлечения недобросовестной стороны к преддоговорной ответственности.⁹

В международном частном праве стороны защищены от недобросовестного поведения контрагента на преддоговорной стадии. Так, в пункте 2.1.15. Принципов международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА), в редакции 2004 г., содержится норма, согласно которой сторона, которая ведет или прерывает переговоры недобросовестно, является ответственной за потери, причиненные другой стороне.

Ученые, изучающие *culpa in contrahendo*, оперируют понятием гражданско-правовой ответственности, которую лицо обязано понести за свое виновное недобросовестное поведение. Логика размышлений заключается в следующем: недобросовестные действия на преддоговорной стадии причиняют контрагенту убытки, а в доктрине гражданского права возмещение убытков рассматривается в качестве меры гражданско-правовой ответственности.

Но для того, чтобы взыскать убытки, необходимо опереться на какое-либо основание, порождающее обязательство по их возмещению. Основания возникновения обязательств устанавливаются из содержания норм ст. 8 ГК РФ и п. 2 ст. 307 ГК РФ.

Отнесение вопроса об убытках к гражданско-правовой ответственности вызывает определенные теоретические сложности, связанные с тем, что ученым трудно объяснить ответственность за правомерно причиненный вред. Предлагается рассматривать указанную ситуацию как «особый случай возмещения имущественных потерь, имеющий особенности и подчиненный специальным правилам».¹⁰

⁶ *Гражданское уложение Германии: Ввод. Закон к Гражд. уложению; Пер. с нем.; Науч. редакторы – А.Л. Маковский [и др.]*. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С.70-71.

⁷ *Кяэрти М.* Развитие концепции преддоговорных обязанностей в эстонском праве // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. – 2009. – № 9. – С. 30-31.

⁸ *К. Осаке.* Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // *Журнал российского права*. – 2006. – № 7, 8 / Приводится с использованием правовой системы Гарант.

⁹ *Кучер А.Н.* Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. – М.: Статут, 2005. – С.241.

¹⁰ *Садилов О.Н.* Убытки в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Статут, 2009. – С.14.

Полагаем, что от взгляда на убытки как меры гражданско-правовой ответственности следует уходить в сторону теории обязательств. В результате гражданского правонарушения возникает обязательство по возмещению убытков. Недобросовестные действия на преддоговорной стадии – это юридический факт, порождающий обязательство по восстановлению нарушенного права.

Поэтому акцент исследований должен быть смещен в пользу поиска *основания* возникновения обязательств по возмещению убытков.

Вместе с тем, приискивать какое-либо новое основание возникновения обязательств по возмещению убытков, причиненных недобросовестным деянием лица на преддоговорной стадии – излишне. По нашему мнению, эти правоотношения должны охватываться деликтом – «причинением вреда другому лицу».

На это правильно указывает М.И. Брагинский, которым высказана мысль о том, что в подобных случаях вывод об ответственности может быть сделан исходя из общих норм о внедоговорном вреде. То есть, у лица, недобросовестно уклонившегося от заключения договора, возникают деликтные обязательства.¹¹

В современной российской научной литературе против этой точки зрения высказываются возражения, суть которых сводится к тому, что авторы не усматривают признака противоправности в действиях лица, недобросовестно уклонившегося от заключения договора. Например, И.В. Бекленищева сомневается в наличии элемента противоправности при недобросовестном отказе стороны от переговоров: «какая норма объективного права здесь нарушена и какое нарушено субъективное право?».¹²

К.В. Гницевич также полагает, что трактовка внедоговорной ответственности как деликтной наталкивается на определенные сложности, связанные, прежде всего, с установлением признака противоправности применительно к тому действию недобросовестного контрагента, вследствие которого образуются соответствующие имущественные потери у невиновной стороны.¹³

По нашему мнению, обоснование противоправности поведения недобросовестного контрагента заключается в следующем. В.П. Грибанов указывал, что противоправным следует считать такое поведение, которое нарушает нормы права либо общие правовые принципы права или его отдельных институтов. Под нарушением норм или принципов права понимается несоблюдение лицом юридической обязанности, независимо от того, вытекают ли эти обязанности из запретов, предписаний или дозволений, являются ли они общими или конкретными.¹⁴ Недобросовестные действия лица на преддоговорной стадии нарушают принцип добросовестности в гражданских правоотношениях, который хотя напрямую и не закреплен в ГК РФ самостоятельной нормой, но существует в доктрине гражданского права. Следовательно, при нарушении лицом принципа добросовестности, его деяние признается *противоправными*.

Мы не приводим в качестве аргумента ссылку на принцип генерального деликта, «согласно которому каждому запрещается причинять вред другому, всякое причинение вреда предполагается противоправным, а причиненный вред должен быть возмещен, если иное прямо не установлено законом»,¹⁵ поскольку находим тут некое логическое противоречие. Обнаруживая признак противоправности в каждом факте причинения вреда, ученые вынуждены признавать наличие противоправности и в правомерном причинении

¹¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: Изд. 2-е, испр. – М.: «Статут», 1999. – С.237.

¹² Бекленищева И.В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. – М.: Статут, 2006. – С.169

¹³ Гницевич К.В. Указ. соч. – С.27.

¹⁴ Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей / В кн.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. – М.: «Статут», 2001. – С.326.

¹⁵ Гражданское право: Учебник. Том II / под ред. доктора юридических наук, профессора О.Н.Садикова. – М.: «Контакт», «ИНФРА-М», 2007 / Приводится с использованием правовой системы Гарант.

вреда.¹⁶ Но правомерно причиненный вред не может квалифицироваться как противоправный! В том случае, когда вред причинен правомерными действиями, закон специально указывает на обязанность по его возмещению (например, ст. 1067 ГК РФ). Смысл «генерального деликта» видится в том, что бремя доказывания правомерности причинения вреда возлагается на деликвента (причинителя вреда).

Квалификации в качестве деликтного обязательства по возмещению убытков, причиненных недобросовестным деянием контрагента на преддоговорном этапе, препятствует то обстоятельство, что деликт рассматривается односторонне – только как повреждение или уничтожение *имущества* или причинение вреда личности. Такой вывод вытекает из положений статьи 1064 ГК РФ, которая гласит, что вред, причиненный личности или *имуществу* лица подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. При уклонении от заключения договора никто имущество контрагента не уничтожает и не повреждает. В состав расходов лица, образующих его убытки, включаются затраты на проезд, гостиницу, оплату услуг юристов, иные траты, понесенные на подготовительной стадии (изготовление проекта, макета, проценты по кредиту) и т.д.

Более гибкая норма закреплена в ст. 1069 ГК РФ, согласно которой «вред, причиненный гражданину или юридическому *лицу* в результате ...». Полагаем, что из статьи 1064 ГК РФ следует исключить указание на причинение вреда *имуществу* лица, поскольку это сужает возможность применения норм главы 59 ГК РФ.

В судебной практике вопрос упрощается тем, что суды не утруждают себя поиском основания возникновения обязательства по возмещению убытков. Достаточно ссылки на ст. 15 ГК РФ. Так, ООО «Атланта» заключило с ООО «Гелиос» договор аренды, по условиям которого обязалось для ведения сельскохозяйственного производства предоставить в аренду земельный участок. ЗАО «Дружба» в период с мая по октябрь 2008 года использовало часть переданного в аренду земельного участка под посев и выращивание урожая в отсутствие договорных отношений. В результате самовольного занятия ЗАО «Дружба» части земельного участка ООО «Гелиос» и ООО «Атланта» заключили соглашение о внесении изменений в договор аренды, уменьшив площадь предоставленного в аренду земельного участка. ООО «Атланта», считая, что в связи с самовольным использованием ЗАО «Дружба» земельного участка оно не получило сумму арендной платы, на которую изначально рассчитывало при заключении договора аренды с ООО «Гелиос», обратилось с иском в арбитражный суд. Судебные инстанции удовлетворили заявленные требования. Суд кассационной инстанции указал, что основанием для взыскания убытков является виновное поведение причинителя вреда, причинно-следственная связь между действиями причинителя вреда и понесенными убытками, а также наличие убытков. Однако в судебном акте ничего не сказано об основании, породившем обязательство по возмещению убытков [постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 10 сентября 2009 года № Ф04-5279/2009(18839-А46-9)] Аналогичная формулировка мотивировочной части содержится в определении ВАС РФ от 27 августа 2008 года № 2976/08.

Зачастую, весьма сложно определить, возникли убытки из договора или из деликта. Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 16.05.2000 г. № 4163/99 рассмотрен иск о взыскании убытков, причиненных арендодателем, который неоднократно срывал вывеску арендатора, опечатывал арендуемые помещения, отключал электроэнергию и телефон, чем причинил арендатору убытки в виде упущенной выгоды.

Возникает предложение назвать главу 59 ГК РФ «Обязательства вследствие гражданского правонарушения». В этом случае основанием для возникновения обязательств по возмещению убытков (вреда) явилось бы правонарушение, независимо от того, возникло оно из деликта, договора или иного деяния, которое сложно причислить к выше названным. Ведь и деликт, и нарушение договора – суть гражданские правонарушения. Подтверждение этой мысли мы нашли у Г.Ф. Шершеневича: «... то и другое составляет действия,

¹⁶ Кузнецова Л.В. Спорные вопросы деликтной ответственности / В кн.: Меры обеспечения и ответственности в гражданском праве: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2010. – С. 354.

воспрещенные законом под страхом вознаграждения вреда; то и другое составляет нарушение права, т.е. правонарушения, сопровождаемые вознаграждением вреда, т.е. гражданским правонарушением».¹⁷

Однако глава 59 ГК РФ содержит в себе правила по возмещению вреда, когда действия деликвента не могут быть квалифицированы как гражданское правонарушение (например – действия в состоянии крайней необходимости). Для избежания возникающего противоречия следует эту главу назвать: «Обязательства по возмещению вреда (убытков)».

В правовом регулировании деликтных правоотношений законодатель использует термин «вред», а в договорных – «убытки». Использование разной терминологии применительно к имущественным ущемлениям другого лица, не является препятствием для использования норм главы 59 ГК РФ. Термины вред и убытки, в исследуемой плоскости, тождественные понятия. В силу ст. 1082 ГК РФ вред возмещается в двух формах – в натуре или путем возмещения убытков. Как верно заметил В.П. Грибанов, «в большинстве случаев возмещение причиненного вреда сводится к возмещению понесенных потерпевшим убытков. В данном случае, под убытками понимается вред, выраженный в денежной форме».¹⁸

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что изыскивать какое-либо новое основание возникновения обязательств по возмещению убытков (вреда), причиненных лицу недобросовестным поведением контрагента на преддоговорной стадии – не требуется. Эти правоотношения должны защищаться деликтным иском. Ведь возмещению подлежат только те убытки, которые причинены *недобросовестным* поведением контрагента. Эта позиция позволяет избежать конструирования нового основания возникновения обязательств, которое весьма сложно сформулировать, поскольку в доктрине российского права отсутствует понятие квазидоговорного обязательства.

¹⁷ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., издательство Бр. Башмаковых, 1910. с.678.

¹⁸ Грибанов В.П. Указ. соч. – С.331.